

Глава 27: Дом построить....

Покинув город Чанъян, и добравшись до этого небольшого городка, Е Цин всё ещё была далеко от деревни Чэнь, дома Чэнь Даху.

Без денег пришлось бы идти пешком, но теперь у неё было двести лян серебра, и она, конечно, не собиралась экономить до такой степени, чтобы тащиться на своих двоих.

Однако нанять повозку на весь путь до самого дома было нереально. Возницы не соглашались на такое: доехать-то доехали бы, но как потом возвращаться? Дорога слишком дальняя!

Так что ей оставалось пересаживаться с повозки на повозку, от одного городка к другому.

Днём она ехала, а к вечеру прибывала в новый городок. Хоть и в пыли с дороги, но ела вкусно, спала мягко, и усталости почти не чувствовала.

Но даже при этом в древних повозках не было никакой амортизации. Пусть дорога и была казённой, качество её менялось: где-то — ровная, вымощенная щебнем, а где-то — просто утрамбованная земля. Случись дождь, и поверхность становилась скользкой — порой даже лошади не могли вытянуть повозку. Тогда приходилось надевать соломенный плащ, вылезать и толкать. После такого промокала насквозь, да и самочувствие оставляло желать лучшего.

В такие моменты Е Цин начинала тосковать по машинам и скоростным поездам современного мира. Будь у неё они, дорога домой не была бы такой хлопотной и утомительной!

Именно из-за этих хлопот и усталости в древности мало кто пускался в дальние странствия. Большинство людей рождались в одном месте и там же проводили всю жизнь, ни разу не покидая родной деревни или городка — и это считалось обычным делом.

Пройдя через тяготы и преодолев тысячи трудностей, Е Цин почти полмесяца спустя, наконец, добралась до родной деревни Чэнь Даху — Чэньцзяцунь.

Едва войдя в деревню, она ощутила в сердце волну знакомого чувства.

Будь то большое дерево у входа, разбросанные по дороге камни или низкие дома — всё казалось ей одновременно чужим и родным.

Чужим — потому что она не была Чэнь Даху. Родным — потому что она и была Чэнь Даху.

Эти два чувства переплелись, сливаясь в робость перед близостью дома. Пройдя немного, она невольно остановилась и застыла, глядя вперёд.

Чэньцзяцунь была простой по устройству — как, впрочем, и большинство деревень. Одна широкая дорога тянулась вперёд, а по обе её стороны беспорядочно, без всякого плана, стояли низкие глинобитные домики.

Там, где люди ходили реже, землю покрывала трава и колючие кусты. Дикие заросли густо сбивались в канавах и низинах.

Такие картины в современном мире её прошлого уже почти не встречались — разве что в глухих горах. А здесь, в этом мире, они были обыденностью. За время пути Е Цин миновала десятки деревень, и все они выглядели примерно так — ничего удивительного.

Пока она стояла, застыв на месте, мимо прошла деревенская женщина. Случайно заметив Е Цин, она удивилась, остановилась и внимательно пригляделась. Лицо показалось ей смутно знакомым — хотелось признать, но она не решалась.

Е Цин тоже разглядывала женщину, присматриваясь, и вскоре поняла, кто перед ней. В сердце всплыло имя:

– Шанья?

Голос, которым Е Цин заговорила, был низким, почти мужским — явно не её настоящий, а тот, что она научилась подделывать у Е Даньфэна.

Услышав это, женщина по имени Шанья, наконец, узнала её. В глазах зажглась радость, и она взволнованно воскликнула:

– Это ты, брат Даху?

Эти слова «брат Даху» кольнули Е Цин в самое сердце, вызвав ком в горле и желание заплакать. Очевидно, воспоминания Чэнь Даху передались ей.

– Это я! Шанья, ты замужем?

Шанья поправила волосы, собранные в пучок — в древности такой жест был знаком замужней женщины, внешним признаком её статуса.

Услышав вопрос, Шанья замерла, а затем крупные слёзы, словно жемчужины на нитке, покатались по её лицу. Она зарыдала, не в силах вымолвить ни слова.

Глядя на плачущую Шанью, Е Цин ощутила в душе щемящую тоску.

Шанья и Чэнь Даху были друзьями детства, с юных лет предназначенными друг другу. Он клялся взять в жёны только её, она — выйти только за него. Но теперь, видя Шанью в образе замужней женщины, Е Цин и без слов поняла, что произошло.

Очевидно, после того как Чэнь Даху ушёл, Шанья была вынуждена выйти за другого.

Подумав, Е Цин вспомнила: Чэнь Даху покинул деревню в шестнадцать лет. В те времена люди женились рано, и шестнадцать — возраст, когда девушку торопят под венец. Когда Чэнь Даху внезапно исчез, Шанья не могла ждать его вечно и стала чьей-то женой.

Всё это промелькнуло в голове Е Цин, и она лишь покачала головой, вздыхая над тем, какая это была мелодраматичная история.

В древности пути сообщения были не развиты. В деревню могли годами не заглядывать чужаки, и это считалось нормой. Поэтому появление незнакомца всегда вызывало любопытство, смешанное с настороженностью — а вдруг это какой-нибудь лиходея?

Когда Е Цин стояла у входа в деревню, она давно привлекла внимание местных жителей, отдыхавших у своих домов. Однако никто не решился подойти и спросить — все лишь наблюдали издалека.

Из-за расстояния никто не расслышал, о чём говорили Шанья и Е Цин. Видели только, что Шанья обменялась с незнакомцем парой слов и вдруг разрыдалась.

Тут же кто-то решил, что Шанью обидели. Несколько мужчин бросились домой, а другие побежали звать её мужа.

Услышав новости, Чэнь Тетоу, который в это время ковал железо у себя во дворе, схватил мотыгу и поспешил к деревенскому входу. По пути он встретился с другими — молодыми и зрелыми мужчинами, возвращавшимися из домов. Их набралось больше дюжины, и вся эта толпа двигалась с шумом и напором, производя немалое впечатление.

Е Цин собиралась утешить Шанью, но, подняв глаза и увидев это зрелище, сразу поняла, что дело плохо.

В древних деревнях царил крепкая сплочённость. Родовые кланы имели глубокие корни, и даже власти не могли ничего сделать без их согласия — иначе никто бы и ухом не повёл.

Групповые драки здесь тоже были не редкостью: то за землю или лес спорили, то за воду или другие ресурсы. Все драчуны были закалёнными бойцами, и увечья или даже смерти случались нередко.

Увидев, как на неё несётся толпа, Е Цин сразу смекнула: слёзы Шаньи, должно быть, навели их на мысль, что она её обидела.

Но паниковать она не стала. Раз Шанья узнала её, то и остальные жители деревни вряд ли не признают.

Она осталась на месте, не только ожидая приближения толпы, но и внимательно разглядывая каждого, сверяя их лица с воспоминаниями и припоминая имена.

Раз это Чэньцзяцунь, деревня рода Чэнь, большинство здесь, конечно, носили фамилию Чэнь.

Чэнь Тетоу, Чэнь Ту, Чэнь Шуй, Чэнь Гоусы, Чэнь Даке — имена простые, без всякой изысканности. Люди необразованные, называли себя по тому, что видели: гора — значит Гора, трава — значит Трава.

По сравнению с ними имя Чэнь Даху, хоть и простое, всё же звучало лучше, чем Чэнь Тетоу или Чэнь Гоусы.

Хотя, признаться, это имя не слишком-то подходило к её нынешнему виду и телосложению.

– Шанья! Иди сюда! – крикнул Чэнь Тетоу, подойдя ближе.

Но Шанья, увлечённая рыданиями, не обратила на него внимания. Постепенно слёзы утихли, и теперь она лишь всхлипывала.

Все в этой толпе держали в руках оружие: кто грабли, кто мотыгу, кто вилы — пустых рук не было ни у кого.

Один из них выкрикнул в сторону Е Цин:

– Ты кто такой? Пришёл в нашу Чэньцзяцунь людей обижать?

Е Цин окинула его взглядом с головы до ног, узнала и спокойно назвала имя:

– Чэнь Гоусы, смотрю, ты здорово окреп!

Чэнь Гоусы, услышав это, слегка опешил. Голос был незнакомым, но лицо казалось смутно знакомым. К тому же этот человек знал его имя, что вызвало у него недоумение.

– Ты вообще кто такой? – выкрикнул кто-то ещё из толпы.

– Ты Чэнь Шитоу?

– Ты...!

Е Цин назвала имена двоих подряд, и хотя её лицо и правда выглядело знакомым, люди заколебались, не решаясь сделать вывод.

– Это Чэнь Даху!

Тут Шанья, наконец, перестав всхлипывать, вытерла слёзы и назвала имя, принадлежавшее телу Е Цин.

Услышав это, толпа загудела.

– Это Чэнь Даху!?

– Чэнь Даху ещё жив?!

– Чэнь Даху вернулся!?

– Приглядитесь, и правда он! Всё тот же женственный, смазливый вид, как раньше!

– Точно! Два или три года прошло, а он всё тот же!

– Это правда Чэнь Даху? Только что-то он похорошел, кажется?

– Разве он не в армию ушёл? Почему кожа ещё белее стала?

Пока одни готовились к драке, другие — в основном женщины, услышавшие шум, — собрались неподалёку и теперь обсуждали услышанное имя Чэнь Даху, перешёптываясь между собой.

Е Цин стояла на месте, слушая эти разговоры, и в её сердце зародилось сомнение. Из обрывков слов было ясно, что Чэнь Даху и раньше выглядел женственно — значит, дело не только в тренировках.

Выходит, Чэнь Даху всегда был таким?

Причину, по которой он покинул деревню два года назад, она вспомнить не могла. Но, глядя на всё это, Е Цин подумала, что, скорее всего, он ушёл не по своей воле.

Пока толпа гудела, из неё вдруг вышел старик лет семидесяти.

Увидев его, Е Цин ощутила, как глубоко запрятанные в памяти Чэнь Даху чувства вырвались наружу. Слезы навернулись на глаза, она больше не могла их сдерживать. С глухим стуком она рухнула на колени и, склонившись перед стариком, начала кланяться:

– Отец! Ваш сын недостойн! Я заставил вас страдать!

При виде этой сцены шумная толпа разом притихла.

Старик был отцом Чэнь Даху — Чэнь Дашань.

Чэнь Дашань выглядел худым и слабым. Старость и немощь замедляли его шаги и движения. Он подошёл к Е Цин, сгорбившись, положил руку ей на голову. Его глаза покраснели, голос дрожал:

– Вернулся.... Вернулся — и хорошо! Вернулся — и ладно!

– Это правда Чэнь Даху! Я даже поверить не могу!

– Странно, он же говорил, что загорит на службе. Почему после двух лет кожа ещё белее стала?

– И телом не вырос... Что-то тут не так...

На этот раз обсуждения стали тише — видимо, боялись, что Е Цин услышит.

– Пойдём! Домой! — сказал Чэнь Дашань, пытаясь поднять Е Цин. Но разве могла она позволить старику себя поддерживать? Она тут же вскочила и, взяв Чэнь Дашаня под руку, повела его к дому в деревне.

Раз уж подтвердилось, что это Чэнь Даху, толпа жителей деревни, ещё недавно державшая мотыги и вилы, опустила оружие. Они продолжали перешёптываться, но расходиться не спешили.

Чэнь Тетоу тоже провожал взглядом отца и сына, уходящих прочь. Но, обернувшись, заметил, как Шанья заворожённо смотрит на Е Цин. Его лицо потемнело, он шагнул к ней, схватил за руку и потащил домой.

Шанья не сопротивлялась, лишь покорно последовала за ним.

Тем временем Е Цин, поддерживая Чэнь Дашаня, вошла в деревню и дошла до дома Чэнь Даху. Но домом это можно было назвать с трудом: невысокая глинобитная стена, не выше человеческого роста, окружала двор, маленькая калитка вела внутрь, а там стояла приземистая глинобитная хибара.

У этой хибары даже двери не было — просто открытый проём. Заглянув снаружи, Е Цин увидела лишь тёмное нутро.

И это место для жилья?

Увидев такой дом, Е Цин даже не знала, что сказать. Даже деревенские дома, которые она видела в прошлом в своём мире, были куда лучше этого! Да что там — большинство домов в этой деревне выглядели приличнее, чем жилище Чэнь Даху!

По одному этому было ясно: дела у семьи Чэнь Даху и раньше шли неважно. Пока он был дома, старик мог рассчитывать на сына, но после его ухода остался один. Как он жил — представить тяжело, и от одной мысли об этом сердце сжималось.

Постояв у входа, Чэнь Дашань сказал:

– Заходи!

– Да! – Е Цин кивнула, но тут же добавила: – Отец, я вернулся. Давай снесём этот дом и построим новый!

– Это же дорого выйдет! – встревожился Чэнь Дашань.

– Не переживай, у твоего сына теперь есть деньги! – заверила Е Цин. – Мы построим дом из голубого кирпича! – Голубой кирпич куда лучше утрамбованной глины, хоть и стоит дороже.

(«Голубой кирпич»: Материал для более прочных и престижных домов в древнем Китае. Глина содержит железо, и при полном окислении в процессе обжига образуется оксид железа (Fe_2O_3), придающий красный цвет – это самые распространённые красные кирпичи. Однако, если в процессе обжига добавить воду для охлаждения, железо в глине окисляется не полностью (FeO), придавая кирпичу синий или зелёно-серый оттенок – такие кирпичи называются синими (или зелёными) кирпичами.)

– Хорошо! Мой сын ушёл на два года и вернулся с навыками! – Чэнь Дашань засмеялся, явно радуясь от души.

– Да! Я теперь кое-что умею! – Е Цин кивнула.

– Когда дом построим, тебе пора будет жениться! – стоило Чэнь Дашаню заговорить об этом, как улыбка на его лице стала ещё шире.

Но Е Цин, услышав эти слова, замерла, не зная, что ответить.

Как она могла забыть об этом? Всё думала только о том, как вернуться и исполнить долг Чэнь Даху перед отцом, но не учла, что в древности женятся рано. Восемнадцать лет уже считалось поздним возрастом для свадьбы, а ей как раз исполнилось восемнадцать — самое время!

Когда-то её мечтой было иметь трёх жён и четырёх наложниц!

Но мечта так и осталась мечтой. Теперь, в её положении, о женитьбе и детях не могло быть и речи. Но как объяснить это Чэнь Дашаню? Если объяснять честно, придётся раскрыть, что она вовсе не Чэнь Даху.

Какой кошмар! Что же делать?

<http://bllate.org/book/16041/1431368>